

В.П. КАЗАКОВ¹
V.P. KAZAKOV

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ Б. РИВАДАВИИ²
THE LIBERAL REFORM OF B. RIVADAVIA

Аннотация: В статье рассматривается деятельность первого президента Аргентины Ривадавии, его планы либеральной модернизации Аргентины. Согласно Ривадавии главным препятствием для прогрессивного развития страны являлась колониальная структура. Предлагаемые им меры заключались в поощрении иммиграции и инвестиций, в диверсификации производства, развитии земледелия, организации современной банковской системы, просвещении народа, создании национального государства. Он объявлял главной причиной отсталости земледелия отсутствие доступа к земельной собственности мелких фермеров. Он был убежден, что прогресс земледелия зависит от перераспределения земельной собственности и от улучшения условий хозяйствования фермеров. Предлагаемое им решение заключалось в разделе общественной земли в эмфитеусис.

Ключевые слова: Ривадавия, унитарии, федералисты, эмфитеусис, иммиграция, экономический либерализм, Аргентина.

Abstract: This article examines the activity of the first president of Argentina Rivadavia, his plan of liberal modernization of Argentina. According to him the colonial structure was an obstacle to the progressive development of the country. The remedy proposed was the immigration and capital instrument the diversification of production, the development of agriculture, the mordent banking system, the enlighten of the people and to organize the nation. He proclaimed that the chief cause of the backwardness of agriculture was the lack of access to landowner, progress agriculture depended on a redistribution of property and an improvement in the lot of the

¹ Владимир Петрович Казаков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

² Данная статья написана при поддержке РГНФ, грант № 15-01-00343а, «Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории».

small farmers. And he proposed solution such as the conversion of public land into emphyteusis.

Keywords: Rivadavia, unitarios, federalists, emphyteusis, immigration, economic liberalism, Argentina.

«Анархия XX года» не могла подавить сознание того, что все провинции, несмотря на разобщенность, являются частями одной страны и не могут жить отдельно. Свидетельством этого стало предоставление провинции Буэнос-Айрес права вести внешние сношения. Таким образом, перед лицом других государств губернатор провинции Буэнос-Айрес был главой всей страны. Провинции устали от анархии. Эстансьеро и торговцы, прежде всего Буэнос-Айреса, требовали мира, так как продолжение междоусобной борьбы наносило урон их коммерческим интересам. Прежде всего это касалось торгово-скотоводческой группировки – клана салатеристов – лидирующие позиции в которой стал занимать Хуан Мануэль де Росас, связанный родственными узами с семейством Анчорены.

В конце 1820 г. легислатура Буэнос-Айреса избрала губернатором провинции эстансьеро генерала Мартина Родригеса. Это была компромиссная фигура. Он пришел к власти при помощи Росаса, но не принадлежал к клану салатеристов. Став губернатором, Родригес вскоре порвал с Росасом. В июле 1821 г. министром, фактически главой правительства, Родригес назначил вернувшегося из Европы Бернардино Ривадавию.

Как и во времена триумvirата, Ривадавия стал править с людьми, далеко не полностью разделявшими его взгляды. Важную роль в его правительстве играл министр финансов Мануэль Хосе Гарсия, связанный с кланом салатеристов и жившими в Буэнос-Айресе британскими капиталистами. Приход Ривадавии в правительство воодушевил унитариев – представителей демократической интеллигенции Буэнос-Айреса. В городе вновь появились общественно-политические объединения: литературное общество под председательством Хулиана Сегундо де Агуэро и тайное – под председательством Хуана Крисостонио Лафинура, на заседаниях которого обсуждались злободневные проблемы развития страны и новинки европейской политической и философской литературы.

Уже в 1821 г. сложилась «группа Ривадавии» – так стали называть его единомышленников в органах власти и в прессе. В нее входили

Хуан Сегундо де Агуэро – священник, депутат, министр; Сальвадор Мария дель Карриль – министр финансов в период президентства Ривадавии; редактор газеты «Эль Аргос» – Игнасио Нуньес; «Эль Сентинела» – Хуан Крус Варела; «Эль Насьональ» – Валентин Альсина; «Эль Менсахеро Архентино» – Августин Дельгадо и Франсиско Пико. Возвращение Ривадавии во власть совпало с инициативой внутренних провинций созвать Национальный конгресс в Кордове в 1822 г. Эта попытка закончилась неудачей из-за противодействия Буэнос-Айреса. Ривадавия полагал, что в создавшихся условиях заниматься национальной организацией преждевременно. Необходимо было в первую очередь стабилизировать положение в крупнейшей провинции, провести в Буэнос-Айресе социально-экономические, политические и культурные преобразования, откуда они постепенно распространились бы по всей стране³.

Буэнос-Айрес – модель будущего устройства страны

Поставив задачу сделать Буэнос-Айрес моделью будущего устройства страны, образцом для подражания для остальных провинций Ривадавия приступил к реформам. Прежде всего была повышена роль легислатуры, которую постарались превратить в подлинно законодательный орган. С этой целью правительство ввело принципы утверждения бюджета палатой и обязательного отчета о своей деятельности перед депутатами. Свидетельством преобладавших в обществе Буэнос-Айреса взглядов стало принятие закона о всеобщем избирательном праве для мужчин старше 21 года. Одновременно для занятия должностей вводился возрастной и имущественный ценз: быть не моложе 25 лет и иметь собственность⁴.

Основой общественного порядка провозглашалась защита и гарантия частной собственности. В сентябре 1821 г. легислатура приняла закон о неприкосновенности частной собственности, в соответствии с которым только законодательная власть имела право вводить налоги, назначать контрибуции и денежные штрафы⁵.

Дальнейшее экономическое развитие страны требовало организа-

³ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I-II. – La Plata, 1976. – Т. I. – P. 24.

⁴ Nicolau J.C. La reforma económico-financiera en la provincia de Buenos Aires (1821-1825). – Buenos Aires, 1988. – P. 83.

⁵ Nicolau J.C. La reforma económico-financiera. – P. 95.

ции кредитно-денежной системы с целью металлического обеспечения денежной массы. Ривадавия попытался создать в Англии компанию по эксплуатации серебряных рудников Фаматины в провинции Ла-Риоха. Этой мерой преследовалась цель сконцентрировать в руках государства всю металлическую наличность и чеканку монет, что было бы выгодно для всей страны. Однако сопротивление местных каудильо, а также начавшийся в Англии в 1825 г. экономический кризис не позволили осуществиться этим планам. Для восстановления подорванного в результате гражданских войн доверия к государственным финансам была проведена консолидация государственного долга путем выпуска в обращение государственных ценных бумаг и создания амортизационной кассы, что позволило гарантировать государственный кредит всем движимым и недвижимым имуществом провинции. Одновременно в Буэнос-Айресе организуется Учетный банк, он был частным, но имел государственные гарантии. Образцом для него послужил Английский банк. Другим кредитным учреждением стала Сберегательная касса, призванная аккумулировать сбережения мелких вкладчиков. В их дирекцию вошли как местные, так и британские капиталисты⁶. Эти учреждения не оправдали надежд правительства. Вместо кредитов производству, Учетный банк занялся спекуляцией ценными бумагами, кредитую лишь британские торговые дома. Сберегательная касса не смогла или не успела развернуть свою деятельность до ухода Ривадавии.

Ривадавия понимал жизненную необходимость для страны иностранных кредитов. В соответствии с законом от 19 августа 1822 г. правительство имело право заключать займы в Европе, однако Ривадавия не спешил им воспользоваться. Перед его глазами был печальный опыт других молодых государств, поэтому, по его словам, «было лучше не подвергать опасности кредит провинций, чем быть втянутым в несчастья, которые претерпели американские займы на главных европейских рынках»⁷. Однако фактическое банкротство Учетного банка вынудило министра финансов Гарсию заключить в июле 1824 г. займ с английским банкирским домом Бэрина на ростовщических условиях: из 1 млн. фунтов стерлингов Буэнос-Айрес получил лишь половину,

⁶ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano 1811–1827. Con una sesión documental. – Rosario, 1966. – № 42. – P. 163; N 62. – P. 186.

⁷ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I. – P. 31.

остальная сумма ушла посредникам⁸.

Важным источником правительственных доходов должна была стать новая налоговая система. Она преследовала цель максимально освободить от налогов экспортно-импортную торговлю, снизив до минимума таможенные пошлины, перенеся налоговое бремя на прямое обложение капитала, прибыли и зарплаты. Было признано целесообразным установить налог на капитал, а не на доходы в силу трудности их подсчета. Обсуждение закона вызвало дискуссию между Х.Х. Анчореной и Х.С. Агуэро о принципах налогообложения. Анчорена считал налог на капитал несправедливым и настаивал на сокращении расходов и приведения их в соответствие с доходами. Агуэро, напротив, полагал, что для развития провинции необходимо идти на расходы⁹. Дебаты выявили два подхода к решению финансово-экономических проблем: консервативный, поддержанный Анчореной, и либеральный, готовый пойти на задолженность, если это способствует прогрессу. Стронником последнего был Агуэро и все правительство.

С наибольшей полнотой либеральные принципы правительственной политики проявились в области торговли. Агуэро от имени правительства решительно выступал против протекционистской политики, которая, по его мнению, ведет к монополии и вынуждает население покупать плохие и дорогие товары. Он видел выход не в таможенной защите промышленности, а в повышении квалификации ремесленников, чтобы они могли производить качественную продукцию, способную конкурировать с импортными товарами¹⁰.

Эти идеи легли в основу закона о таможене, установившего налог на ввозимые товары в размере от 5% до 30% от их стоимости. В законе частично нашли отражение пожелания ремесленников о защите местного производства¹¹. Однако в целом правительство не приняло меры для развития промышленности, обязав лишь иностранных специалистов обучать местных ремесленников¹².

В 1821–1823 гг. были приняты меры по развитию сельскохозяйственного производства в провинции. С этой целью в помощь правительству была создана Хунта торговцев и асендадос, в которой, одна-

⁸ Ferns H.S. Britain and Argentina in the nineteenth century. – Oxford, 1960. – P. 131-154.

⁹ Nicolau J.C. La reforma económico-financiera. – P. 120.

¹⁰ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – N 75. – P. 215.

¹¹ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – P. 120.

¹² Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – N 16. – P. 141.

ко, не были представлены земледельцы.

Развитие сельского хозяйства тормозилось нерешенностью аграрного вопроса. Необходимо было остановить расхищение общественных земель латифундистами и разместить на ней иностранных колонистов, которые поехали бы в страну только при твердой поддержке со стороны государства. Правительство приступило к решению вопроса с издания в апреле 1822 г. декрета «запрещающего отчуждение общественных земель». В июне 1822 г. было объявлено о введении энфитеусиса – долгосрочной аренды государственной земли. Энфитеусис не распространялся на земли, уже находившиеся в частной собственности¹³.

Аграрные преобразования не касались гаучо, в отношении которых продолжало действовать законодательство против бродяг. Декрет 1823 г. объявлял пеона, оказавшегося вне эстансии без разрешения хозяина, бродягой и направлял его на 2 года военной службы¹⁴.

Продолжалась начатая первыми патриотическими правительствами ликвидация привилегий церкви: отмена десятины и церковных судов, превращение семинарии в национальный колледж¹⁵. Религиозная политика Ривадавии основывалась на веротерпимости; праве выбора церкви; невмешательстве церкви в гражданские и политические дела. Его формула гласила: «Вера в храмах, наука в школах». Церковная реформа преследовала цель не только ограничить власть церкви, но и обеспечить свободу культов для иммигрантов, которая была провозглашена специальным законом¹⁶.

С иммиграцией Ривадавия связывал дальнейший прогресс страны. Легислатура разрешила правительству вести переговоры в различных европейских странах с целью привлечения «моральных и трудолюбивых иммигрантов» для заселения провинции. В то же время Ривадавия рассматривал иммигрантов как важный социокультурный фактор: они призваны были «разрушить деградирующие испанские привычки» и «фатальное разделение на касты» и создать «гомогенное трудолюбивое население».

¹³ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – N 38. – P. 159; N 43. – P. 166; N 45. – P. 167.

¹⁴ Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano – N 39. – P. 160.

¹⁵ Registro oficial de la Republica Argentina. – T. I–III. – Buenos Aires, 1879-1880; T. I. – N 1643. – P. 28-29.

¹⁶ Registro oficial de la Republica Argentina. – T. II. – N 1837. – P. 89.

вое и моральное население»¹⁷.

Ривадавия придавал первостепенное значение развитию образования, считая «невежество главным врагом народа». В 1821 г. в Буэнос-Айресе был открыт университет. Изменение содержания обучения сопровождалось введением новых дисциплин: политической экономии, точных и естественных наук¹⁸.

Реформаторская деятельность в период президентства

В 1824 г. положение в стране улучшилось, и перед окончанием срока полномочий Родригеса Ривадавия обратился к остальным провинциям с предложением созвать Национальный конгресс¹⁹. Инициатива Буэнос-Айреса встретила поддержку со стороны провинций и 16 декабря 1824 г. конгресс открылся в Буэнос-Айресе. Не в последнюю очередь губернаторы-каудильо согласились на его созыв ввиду приближающейся войны с Бразилией из-за Восточного берега.

7 февраля 1826 г. президентом Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы или Аргентины, как вскоре стала называться страна, конгресс избрал Ривадавию. В его правительство вошли Х.С. де Агуэро – министр внутренних дел; Ф. де Ла Крус – министр иностранных дел; М. де Карриль – министр финансов; К. де Альвеар – военный и морской министр. Большинство депутатов поддерживали президента. Оппозицию возглавляли Мануэль Дорrego и Мануэль Морено, выступавшие за организацию страны на принципах федерализма.

Политическая централизация влекла за собой экономическую. Этой цели отвечало создание Национального банка. Банк должен был, по словам правительства, «скрепить крепкими узами провинции», «сосредоточить весь кредит» для «объединения всех сил и взаимопомощи»²⁰. Банк был призван дать импульс развитию производительных сил и освободить правительство от необходимости взимать косвенные налоги. Ему предоставлялось исключительное право денежной эмиссии на всей территории страны и право учета векселей «для облегчения торгового оборота и предоставления кредита»²¹. Банку запрещался

¹⁷ Paso L. Rivadavia y la línea de Mayo. – Buenos Aires, 1960. – P. 64.

¹⁸ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I. – P. 28, 34, 35.

¹⁹ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I. – P. 33.

²⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – T. I-VI. – Buenos Aires, 1937–1939. – T. II. – P. 407.

²¹ Registro oficial de la Republica Argentina. – T. II. – N 1881. – P. 105.

лось кредитовать какую-либо иную власть кроме национального правительства. В свою очередь, последнее не имело права вмешиваться в распоряжение капиталом банка. Это являлось исключительной прерогативой президента и дирекции вместе с общим собранием акционеров.

Вместе с тем правительство не отказывалось от контроля за банковской деятельностью: ему принадлежало исключительное право утверждать назначение президента и дирекции банка. Объясняя эту меру, Агуэро указывал, что тем самым правительство не позволит возобладать частным интересам банка над общественным. «Право власти утверждать выборы директоров не только не является вредным, но, наоборот, полезным для интересов страны. Прежде всего, – подчеркивал Агуэро, – необходимо пресечь влияние, которое банк может оказывать на истинные интересы страны». Чтобы судьба государства не была в руках учреждения, которое пожертвовало бы общественными интересами во имя своих частных»²².

На практике правительство Ривадавии было вынуждено отступить от этих принципов. Национальный банк был создан на базе фактически обанкротившегося Учетного с выплатой его акционерам компенсации на 40% превышающей стоимость этих акций. Деньги для этого были взяты из займа Бэринга. «Доводы справедливости, – объяснял этот шаг правительства Агуэро, – не должны приниматься во внимание при слиянии Учетного и Национального банков, а [...] лишь доводы беспристрастности и большой политик»²³. Это был вынужденный шаг, поскольку прекращение деятельности Учетного банка, уход с денежного рынка его акционеров вызвали бы банкротство торговых домов Буэнос-Айреса и нанесли смертельный удар кредиту страны. Помимо банка, важным условием для создания национального рынка, стала национализация всех таможен страны²⁴.

Дальнейшее развитие получило решение аграрного вопроса. Декретом от 18 марта 1826 г. запрещалось отчуждение общественной земли в провинциях²⁵. 18 мая решением конгресса энфитеусис распространялся на всю территорию страны²⁶. Был установлен 20-летний срок

²² Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 480, 478.

²³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. IV. – P. 503.

²⁴ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1881. – P. 105.

²⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 114.

²⁶ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1994. – P. 134.

пользования земель и введен дифференцированный налог: 4% от стоимости земли, для земледельцев и 8% – для скотоводов.

Правительство Ривадавии, вводя энфитеусис, преследовало две цели: финансовую – обеспечить потребности казны; экономическую – способствовать развитию сельскохозяйственного производства. Этому предшествовала дискуссия в самом правительстве. Что лучше? Продажа земли или сдача ее в энфитеусис? Пришли к выводу, что энфитеусис – единственное средство сделать землю продуктивной, чтобы она приносила постоянный и все возрастающий доход. Этого нельзя было достигнуть продажей земли, так как «отсутствие в стране предпринимательских капиталов, которые увеличили бы конкуренцию и спрос; привело к падению стоимости земли, «которая не покрывает и половины кредита». В этих условиях продажа земля привело бы государство к банкротству. Одновременно это явилось бы, по словам Агуэро, «гибельным ударом для сельского хозяйства и на многие годы замедлило бы его прогресс». При недостатке капиталов и плохом их использовании продажа земли привела бы к ее скупке несколькими компаниями и возникновению «системы феодалов», под гнетом которых так долго жила Европа». Агуэро отмечал, что именно в аграрной области в наибольшей степени проявляется тенденция к спекуляции и монополизму. С землей не происходит того же, что и с другими вещами, чье количество увеличивается с ростом спроса. Ее количество ограничено определенными пределами и при частной собственности «капризы, амбиции и жадность крупных собственников будут законом при сдаче земли в аренду». Но эта «печальная картина», подчеркивал Агуэро, коренным образом изменится, если собственником и арендодателем земли будет государство²⁷.

В развернувшейся дискуссии главным объектом критики противников закона стал не сам принцип сдачи земли в энфитеусис, а чрезмерный, по их мнению, налог и периодический его пересмотр. Оппозиция была единодушна в требовании его понизить и сделать постоянным. Разъясняя, почему правительство не может на это пойти, Агуэро обращал внимание на то, что с течением времени стоимость земли будет только возрастать и, соответственно, должна меняться арендная плата. В этих условиях постоянный налог будет благоприятствовать только крупным собственникам. Для того, чтобы избежать этого, нет иного средства как предлагаемый закон. Он не позволит брать много

²⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 1197, 1199, 1201.

земли, если за нее нужно платить налог. Если же установить небольшой налог и сделать его постоянным, произойдет огромная концентрация земли, чего ни закон, ни власть не смогут предотвратить. В результате земля останется необработанной²⁸.

Другая группа возражений сводилась к тому, что собственник земли при ведении хозяйства выигрывает по сравнению с энфитеутом. Агуэро отвергал этот довод, приводя следующий расчет: одна лига (1 лига – 2700 га) земли, сданная в энфитеусис, стоит 500 песо. При налоге в 8% он составит 40 песо, которые энфитеут должен заплатить. Но собственник, помимо налога, должен вложить капитал еще в покупку земли, тогда как энфитеут все вкладывает в скот. Помимо этого, отмечал Агуэро, интересы энфитеута совпадали с интересами государства. Его благополучие делало государство более богатым. Правительство полагало, что дифференцированный налог – 4% для сельскохозяйственных хозяйств и 8% для скотоводческих – предотвратит концентрацию земли в немногих руках.

Реформа отвечала интересам среднего класса, «именно тому, – подчеркивал Агуэро, – кому мы должны отдать предпочтение, потому что именно он не имеет средств для одновременной покупки земли и скота»²⁹. Энфитеусис освобождал земледельца от необходимости покупать землю и позволял ему весь капитал вкладывать в производство. Важной мерой контроля над общественной землей стало введение обязательной регистрации арендованных земель³⁰. Одновременно земля превращалась в важный финансовый ресурс государства, в гарантию займов в Европе, предназначенных для развития страны. Таможенные пошлины переставали быть главным источником правительственных доходов. В целом энфитеусис вел к ликвидации абсолютной ренты, а дифференциальную передавать государству³¹.

Аграрная реформа не посягала на частное землевладение, но оно было невелико и, как полагало правительство, энфитеусис закроет путь к его дальнейшему росту. Применение закона на практике показало ошибочность этих расчетов. Новая система землепользования имела серьезный недостаток: она не устанавливала предельного раз-

²⁸ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – П. 1228.

²⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – П. 1232.

³⁰ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1214. – П. 140-141.

³¹ Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. – М., 1988. – С. 86.

мера участка, предназначенного одному энфитеуту. «Группа Ривадавии» считала дифференцированный налог достаточной гарантией против концентрации земель. Вопреки ее ожиданиям, 8%-ный налог не пугал латифундистов-скотоводов, которые арендовали огромные земельные площади. Правительство признало этот факт и постаралось ограничить размер передаваемой в энфитеусис земли³², однако не смогло или не успело до своего падения исправить создавшееся положение.

Общенациональный рынок не мог сложиться без дешевых и удобных путей сообщений. С этой целью правительство предложило соединить каналами некоторые реки страны и проложить таким образом водный путь от предгорий Анд до Буэнос-Айреса. необходимые средства для строительства предполагалось получить от передачи в энфитеусис земель, лежащих на расстоянии 1714 м по обоим берегам водного пути. Земли, по которым должны были проходить каналы, отчуждались безвозмездно. Новый водный путь значительно уменьшил бы транспортные расходы, сократил время доставки товаров, сделал бы доступным рынок побережья для продукции внутренних провинций, которые смогли бы противостоять европейской конкуренции³³. В ответ на заявления оппозиции, что строительство каналов преждевременно, что есть более важные дела, как, например, строительство мостов, правительство ответило, что необходимо смотреть вперед, в будущее, и поэтому нужно приступить к работе уже сейчас³⁴.

«Группа Ривадавии» считала, что прогрессивное развитие страны возможно только в рамках унитарного государства. Первым шагом на этом пути стала национализация Буэнос-Айреса. 6 марта 1826 г. Национальный конгресс провозгласил Буэнос-Айрес столицей республики³⁵. Правительство рассматривало это как основу для организации национального государства: страна должна иметь ядро, центр и таким центром, столицей может быть только Буэнос-Айрес. Разъясняя позицию властей, Агуэро указывал, что столица является таковой не потому что там находится национальное правительство, а в силу того влияния, которое она оказывает на народ, страну. «Влияние, о котором я говорю, – продолжал Агуэро, – заключается в том, чтобы столица передала свое просвещение, ресурсы и все остальные необходимые эле-

³² Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 2160. – 189-190.

³³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 313, 332, 328–329, 446.

³⁴ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 318-319.

³⁵ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1904. – P. 111-112.

менты для организации провинций, образующих государство, чтобы из этого центра на периферию исходило все хорошее, чтобы население провинций процветало. Такой, сеньоры, должна быть столица государства»³⁶.

Речь шла о создании государства, основанного на принципах либерализма, и Буэнос-Айрес должен был стать его базой и двигателем, потому что в нем «не только наиболее многочисленное население, но в то же время цивилизация, просвещение, которых нет в провинциях»³⁷. Без столицы в Буэнос-Айресе подчеркивал Агуэро, «не будет ни нации, ни национального правительства»³⁸.

С развернутой критикой правительственного законопроекта выступил Морено. Он – решительный противник национализации Буэнос-Айреса. Свою позицию он обосновывал интересами сохранения демократии: «с национализацией Буэнос-Айреса будет покончено с его институтами и свободами». «[...] и лучше мы не будем нацией, если с ней не будет свободы»³⁹. Принятие правительственного законопроекта приведет к всемогуществу центральной власти, к установлению абсолютистского режима.

По существу, Морено ратовал за сохранение статус-кво, что означало не автономию провинций, а всевластие в них каудильо: «И это должно волновать провинции, так как это угрожает их интересам, поскольку покончит с их внутренним управлением. Они не смогут решать внутренние проблемы, исходя из своих интересов»⁴⁰. Какой же город должен был стать столицей страны? Морено обходит этот вопрос. Не отвергая саму идею национальной организации, он выступал за то, чтобы она осуществлялась на базе провинции Буэнос-Айрес. Иными словами, необходимо было, по мнению Морено, сохранить особое, по существу привилегированное положение провинции. Но как же будет существовать национальное правительство, лишенное главных источников дохода? Морено дает ясный и недвусмысленный ответ, который показывает, что за всеми словами о свободе и демократии лежат экономические интересы определённых социальных сил. «Чего добивается государство с национализацией Буэнос-Айреса?

³⁶ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – П. 697-698.

³⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – П. 699.

³⁸ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – П. 705.

³⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – П. 727.

⁴⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – П. 725/

Концентрации ресурсов? Но для этой цели могут служить кредиты и займы,» – отвечал Морено.

Большинство депутатов не поддержало Морено. Мансилья считал, что отказ от национализации Буэнос-Айреса неизбежно приведет к новому витку олигархии. В силу своего географического, исторического, экономического и культурного положения Буэнос-Айрес уже является столицей и его необходимо лишь отделить от провинции, лишив последнюю возможности пользоваться правами, которые в действительности принадлежат всем провинциям. «Это несправедливо» – заключил депутат⁴¹. Гомес в ответ на утверждения Морено, что провинция Буэнос-Айрес – центр свободы и демократии, спрашивал: «Какие свободы, гарантии и конституции имела провинция в момент своего создания?» И констатировал: «Никаких»⁴².

Агуэро, заключая дебаты, вновь повторил, что этим законопроектом правительство преследовало цель организовать страну. Но для этого необходимо, – указывал Агуэро, ее национализировать, что означало подчинение всех местных интересов национальным. Но создать нацию невозможно без достижения общенационального согласия, что предполагало отказ от части частных интересов, признание и подчинение народа единому центру, из которого на всю страну распространяются принципы рациональной свободы и процветания. «Организовать страну, – подчеркивал Агуэро, – можно двумя способами: силой принципов и властью силы или, грубо говоря, из-под палки. Национальное правительство думает сделать это силой принципов»⁴³. «Правительство желает дать народу рациональную организацию, организацию либеральную, которая соответствует духу времени, в котором мы живем».

Вопрос о столице был неразрывно связан с формой государственного устройства: унитарной или федеральной.

Правительство Ривадавии, принимая решение о форме государственного устройства, исходило как из мнения провинций, так и, прежде всего, из географических, демографических и исторических условий Аргентины. В стране не было единодушия по этому вопросу. Часть провинций высказывалась за унитарную форму, часть – за федеральную, остальные передавали решение вопроса на усмотрение конгресса.

⁴¹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 733.

⁴² Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 739.

⁴³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – P. 783.

Парламентская комиссия, поддерживая правительственный законопроект, исходила из того, что федеральная система противоречит условиям страны: малочисленность населения, раскинувшегося на огромных пространствах; ограниченность ресурсов провинций, которые не могли удовлетворить свои первейшие потребности; низкий уровень образования; отсутствие демократических традиций. В этих условиях провинции были не способны установить у себя либеральный режим и неизбежно стали бы жертвами тирании или анархии. «Нужно не спешить, – говорилось в докладе комиссии, – а учитывать привычки народа. Нельзя полагать, что новые законы сразу же сформируют новые обычаи, когда народ находится еще в детском состоянии»⁴⁴.

Для нормального функционирования либерального режима не было условий и в верхах провинциальных обществ. Провинции были не в состоянии создать все три ветви власти – исполнительную, законодательную и судебную и соответствующие службы, так как не имели для этого людей. «В некоторых из них, – сообщала комиссия, – до сих пор не созданы постоянные ассамблеи. В большинстве отсутствуют судьи, так как нет ни кадров, ни зарплат, чтобы их содержать. В этих условиях невозможно создать в провинциях администрацию, способную гарантировать права и свободы граждан». Поэтому заключала комиссия, нужна унитарная система, чтобы «привести разобщенные части союза к общему центру власти, консолидировать их в гомогенную массу»⁴⁵.

Правительство и большинство законодателей понимали, что в конкретно-исторических условиях Аргентины того времени либеральный режим не мог функционировать в полном объеме на всей территории страны. Нужен был переходный период, в течение которого в провинциях были бы созданы необходимые для этого условия. И создать их могла только сильная центральная власть. В докладе эта мысль была выражена в следующих словах: «Безопасность и свобода есть две великие цели всякой политической ассоциации. Но поскольку свободы невозможно достигнуть без утверждения, прежде всего безопасности, последняя должна предшествовать и подготавливать свободу, которой способна пользоваться нация. Безопасность бывает внутренней и

⁴⁴ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 215.

⁴⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 216.

внешней. Внутренняя безопасность не может быть обеспечена в нашей огромной и независимой стране без того, чтобы дать правительству власть действовать легко, быстро и с силой, чего не может быть в слабой организации федеральной системы»⁴⁶.

Депутаты – сторонники унитаризма – справедливо указывали, что федеральная система сама по себе не создает либерального правительства, что это происходит лишь в том случае, если ей соответствует, с ней согласуется разделение властей. «Когда она не согласуется с этой главной гарантией свободы, – подчеркивал депутат Д.М.А. Кастро, – она будет называться федерацией, но ни в коей мере не обеспечит безопасность граждан». И добавил: «Лишь в бреду можно думать федерализировать нацию с населением в 500 тыс. человек, из которых 450 тыс. являются нищими, убогими или почти без собственности»⁴⁷.

Депутат Акоста подчеркивал, что за федерацию высказываются только губернаторы провинций, «считая, что таким образом останутся у власти, которую захватили лишь благодаря стечению обстоятельств»⁴⁸. По мнению большинства депутатов, только «республиканское представительное правление в унитарной форме способно обеспечить основные права граждан: свободу мысли, личной безопасности, неприкосновенности собственности»⁴⁹.

Унитарный принцип был положен в основу организации государственной власти в принятой в декабре 1826 г. Национальным конгрессом конституции Аргентинской республики.

При обсуждении конституции против ее основных положений выступала группа депутатов во главе с Доррегой. Доррего предлагал отложить рассмотрение конституции до тех пор пока не будет представлен новый проект, который учитывал бы мнение народа, высказавшегося, по словам Доррего, за федерализм. Сам парламентский доклад он назвал академической диссертацией и отверг главный довод комиссии в пользу унитаризма: провинции не в состоянии организовать национальное государство на основе федерации. По мнению Доррего, они это вполне в состоянии сделать. Более того, некоторые из них, как Буэнос-Айрес и Кордова, могут образовать самостоятельные государства. Другие, объединившись по два-три в более крупные образования, могут таким образом преодолеть малочисленность населения, распы-

⁴⁶ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 217.

⁴⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 228, 248.

⁴⁸ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 226.

⁴⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 218.

ленность и стать частями федерации.

Далее Доррего переходит к рассмотрению трех главных аргументов в пользу унитарной системы: отсутствие в провинциях просвещения населения и богатства. Он признает различный уровень просвещения в них, что нельзя, например, сравнивать по этому показателю провинции Буэнос-Айрес и Корриентес. Но делает при этом прямо противоположный комиссии вывод: единственной формой, в которой могут развиваться провинции, является федеральная, а не унитарная. При федеральной системе каждая провинция будет жить в соответствии со своими особенностями, привычками. Так, в провинции Буэнос-Айрес более высокий уровень просвещения, живет больше иностранцев и здесь полнее оправдана религиозная терпимость. Но допустимо ли это в Кордове? [Доррего имел в виду, что Кордова являлась центром католицизма – В.К.] Мысль Доррего ясна: нельзя одной провинции навязывать образ жизни другой. Нужно все провинции оставить в их нынешнем положении и пускай они действуют, исходя из своего уровня развития и своих способностей⁵⁰.

По мнению Доррего, отсутствие профессиональных специалистов-управленцев не являлось тормозом для развития провинций. Он полагал, что для их управления нужны прежде всего практические знания и желание улучшить в них жизнь, что более успешно могли сделать местные жители, чем приезжие. «Где же это препятствие в виде недостатка образования? Я не знаю, как это можно показать. Что мы ищем? Чтобы страна как можно быстрее стала просвещённой, и какое наиболее легкое средство достигнуть этого? Практическое образование, которое приобретается в процессе исполнения общественных обязанностей»⁵¹. По существу Доррего ратовал за самоуправление провинций и при таком подходе действительно не требовался большой бюрократический аппарат и средства для его содержания.

Доррего не смущала и малочисленность населения. Примеры Швейцарии и США говорили в пользу федерации. «Господа, я не знаю, насколько большое и просвещённое население имели швейцарские кантоны ко времени независимости. Я скажу то, что читал. Оно было меньше, чем наше». США также не отличались многочисленностью населения: менее 3 млн. человек на огромной территории. Но

⁵⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 813–814.

⁵¹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 815.

федеральная система позволяла им быстро увеличивать население. «Как только они получают территорию, которую можно объявить штатом, они это делают. А у нас все наоборот. Препятствуют территориям конституироваться в провинции»⁵².

Доррего убежден в правомерности сравнения двух стран. «Почему нельзя проводить сравнение? По мере роста населения начнется вытеснение индейцев и у нас произойдет то же самое, что и в США. Аналогичное положение в отношении образования. Северная часть США более образованна, так как имеет более тесные связи с Европой. Но южная часть из-за обилия рабов менее просвещенная и менее либеральная. И хотя эта страна является классической страной свободы, она до сих пор не смогла издать закон в отношении свободы рабов. И тем не менее эта страна имеет федеральную систему»⁵³. Доррего полагал, что Аргентина имела не меньшие, а большие основания для введения федеральной системы, чем США.

Доррего рассматривал недостаток доходов провинций как временное явление. По его мнению, они обладают достаточными ресурсами для организации федерации. «Я не сомневаюсь, что любая провинция, которая организует регулярное поступление доходов, которая введет энфитеусис и налог с гербовой бумаги, вне всякого сомнения, будет иметь достаточно дохода»⁵⁴.

Доррего больше беспокоила политическая сторона вопроса. Для него та система лучше, которая находится дальше от тирании. Он убежден, что унитарная система, в отличие от федеральной, «с неизбежностью ведет к абсолютизму и монархии, поскольку находится к ним значительно ближе. При ней выгоду получают те, кто ближе к власти. Напротив, при федеральной системе выгоды значительно больше и ее получает не только центр. Свою мысль он пояснял следующим примером: «при унитарной системе действует лишь одно колесо, под названием правительство, которое приводит в движение всю систему. Правительство располагает всей машиной и заставляет ее функционировать. При федеральной системе в унисон с большим колесом вращается масса маленьких»⁵⁵.

Вместе с тем Доррего далек от того, чтобы абсолютизировать федерацию. В том случае, если она не принесет тех благ и выгод, кото-

⁵² Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 815.

⁵³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 879.

⁵⁴ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 880.

⁵⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 817.

рые от нее ожидаются, народ должен иметь право требовать от конгресса пересмотра конституции. Он даже предлагал установить определенный срок, после которого конституция может быть реформирована⁵⁶.

Критика Доррего конституционного проекта и его доводы в пользу введения федерации не убедили большинство депутатов. По их мнению, федерация сама по себе не является идеальным государственным устройством, при которой только и возможно либеральное государство. По словам Д.М.А. Кастро, федерации бывают такими же деспотическими, как и монархии. «[...] посмотрите на Германскую федерацию [...]»⁵⁷. Все зависит от места и обстоятельств. Поэтому пример США не показателен.

Гомес отвергал утверждение Доррего о схожести условий Аргентины и США. «По географическим условиям мы не находимся в тех же условиях, что и США». «США ко времени независимости имели 3 млн. человек, распределённых по 13 штатам. Все они располагались на морском побережье. И как можно их сравнивать с нашими провинциями с населением 500-600 тыс. человек, которые занимают гораздо большую территорию?» Не будем вдаваться в обсуждение уровня развития, достаточности или нет населения или промышленности». «Как можно говорить, что мы находимся в тех же или похожих условиях?»⁵⁸ Мена замечал Доррего, что аргентинские провинции не располагали ни средствами, ни достаточным уровнем просвещения, чтобы образовать федерацию, как в США⁵⁹.

Акоста, отвечая Доррего на его утверждение, что унитарная система ведет к абсолютизму и монархии, утверждал, что обе формы законны и уважаемы. Но их применение зависит от конкретных условий. Федеральная система, хотя и хорошая, но в настоящих условиях не применима. «Сейчас наиболее подходящей формой являемся унитарная». Она выгодна провинциям, так как при отсутствии у них ресурсов национальное правительство обеспечит их этим, взяв у тех, у кого они в избытке⁶⁰. Акоста обращал внимание и еще на одно важное обстоятельство: введение федеральной системы усилит дисбаланс в положе-

⁵⁶ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 817, 888.

⁵⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 919.

⁵⁸ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 895, 855, 851.

⁵⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 905.

⁶⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 860-862.

нии провинций, увеличит их разделение на богатые и бедные. «При федеральной системе, при изначальном неравенстве провинций будут преуспевать наиболее благополучные, развитые. Остальные будут прозябать. Разве можно допустить это? Все должны развиваться»⁶¹.

Гомес отвергал центральный довод Доррего в пользу федерации: провинции богаты природными ресурсами. «И что они будут делать со своими богатствами? Их еще нужно извлечь. Для этого нужно иметь национальную казну, необходимые средства»⁶². В отличие от Доррего, для Гомеса истинным богатством являлось население и производство. Но как раз этого провинциям не хватало и «еще в течение многих лет они не смогут себя обеспечить. И где найти средства? Только в унитарном режиме»⁶³.

Для сторонников большинства было характерно стремление перенести дискуссию с уровня доктрины на практические рельсы. «Я не сомневаюсь, – говорил Гомес, – что народ предпочтет унитарную форму не потому, что она принесет меньше плохого и от нее, при просвещенном и либеральном режиме, можно ждать и больше хорошего»⁶⁴.

Гомес предупреждал о катастрофических и далеко идущих последствиях для страны в случае принятия федеральной системы. «Если конгресс санкционирует федеральную систему, он одобрит ничто иное, как распад и политическое несчастье, в котором окажется каждая провинция из-за того, что не располагает ресурсами не то что обильными, но даже достаточными, чтобы конституироваться, чтобы улучшить свое положение путем приведения в порядок своих институтов [...] Наше положение таково, что мы не можем конституироваться в федерацию без того, чтобы сохранить нищенское положение, с ясным пониманием того, что нет реальных средств, чтобы создать федерацию»⁶⁵. Иными словами: федерация, по мнению унитариев, вела страну к нищете и раздробленности.

Вместе с тем Ривадавия и его сторонники в конституции 1826 г. не продолжили линию на демократизацию политической системы, которую они начали в провинции Буэнос-Айрес в 1821 г. с введением там всеобщего избирательного права. В конституции 1821 г. оно отсут-

⁶¹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 866.

⁶² Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 897.

⁶³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 899.

⁶⁴ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 588.

⁶⁵ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 855.

ствовало. Избирательных прав лишались наёмные работники, подёнщики, бродяги, солдаты⁶⁶.

Не все депутаты согласились с таким ограничением избирательных прав для неимущих. Галистео считал несправедливым лишать наемных работников права голоса. По мнению депутатов, их права не могут быть меньше их обязанностей. Свою позицию он аргументировал следующим образом: «Они не освобождены от воинской службы, они жертвуют жизнью за родину и их нельзя лишать избирательных прав»⁶⁷.

Главным оппонентом правительственного большинства выступил Доррего. Для него ограничение избирательного права равносильно ограничению свободы, а непризнание этого права за неимущими «предполагает отсутствие у них способности голосовать»⁶⁸. Так далеко депутаты большинства идти не собирались. Д.М. Кастро немедленно ответил Доррего, что имеется в виду не их неспособность голосовать, а отсутствие у них необходимой независимости при голосовании⁶⁹.

Из ограничения избирательного права Доррего делал далеко идущие социальные выводы. «Кто в этом случае будет принимать участие в выборах? Маленькая часть населения, его двадцатая часть. И это справедливо, чтобы эта двадцатая часть населения определяла судьбу остальных?»⁷⁰ И если их исключить, то кто останется? Аристократия, наиболее ужасная, потому что это аристократия денег». И стране останется уповать лишь на ограниченное количество торговцев и капиталистов. Отсюда – денежная аристократия. И если это так, то можно ставить на кон судьбу страны и покупать ее»⁷¹.

С таким, поистине классовым, анализом Доррего депутаты не согласились. Д.М. Кастро разъяснял от имени Конституционной комиссии, почему неимущим нельзя предоставлять право голоса, указал на главную: «у них нет собственности, они зависят от воли хозяина, который предоставляет им средства к существованию, вплоть до хлеба,

⁶⁶ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 2104. – P. 163.

⁶⁷ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 733.

⁶⁸ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 735.

⁶⁹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 732.

⁷⁰ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 731.

⁷¹ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 735, 737.

который они едят»⁷². Прежде всего это касалось сельских трудящихся. «И разве мы не видим, как управляют пеонами и подёнщиками их хозяева? Разве мы можем это игнорировать? Неправда, что их зависимость меньше, чем у раба и на них смотрят с уважением. И как в такой ситуации ждать от них независимости при голосовании? Это является причиной того, – заключил Кастро, – что все конституции делают такое исключение, которое не является ни новым, ни изобретением комиссий»⁷³.

Кастро назвал большим преувеличением утверждение Доррего, что в выборах будет участвовать лишь только двадцатая часть населения, класс торговцев. В этой связи он провел различия между «аристократией крови, наследственной, монархической» и «рожденной из природы вещей». Если первая опасна, так как «противостоит законам и даже системе свободы», то вторая – естественная и «нет силы на земле победить ее»⁷⁴.

Неравенство заложено в самой природе вещей и освящено Богом. «Кто может сделать так, что невежественный может быть равным талантливому, знающему человеку? Бог не может этого сделать, так как Бог сделал это самое неравенство в вещах и не может действовать некомпетентно. Кто может сделать так, чтобы бедный был равен богатому? Каждый должен иметь такую долю в обществе, которую имел при вступлении в него. Всегда исходят из того, что богатый и состоятельный более заинтересован в сохранении порядка, чем бедный, так как в своем благополучии сохраняет больше и в своем несчастье теряет больше»⁷⁵. Поэтому в выборах могут участвовать лишь «независимые граждане, имеющие собственность и способные объяснить свой выбор»⁷⁶. Во всех конституциях неимущие исключены из участия в государственной власти. Какой бы свободной и республиканской она ни была, она требует от представителей народа «состояния и профессии, которые приносят им ежегодный доход»⁷⁷. Так Кастро объяснил содержание и смысл соответствующей статьи конституции.

Сильное сопротивление со стороны провинций вызвало содержащееся в конституционном проекте положение о назначении губерна-

⁷² Asamblea Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 734.

⁷³ Asamblea Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 741.

⁷⁴ Asamblea Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 738.

⁷⁵ Asamblea Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 738.

⁷⁶ Asamblea Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 734.

⁷⁷ Asamblea Constituyentes Argentinas. – Т. III. – P. 739.

торов провинций президентом республики. В этих условиях Ривадавия решил изменить соответствующую статью проекта, исходя из того, что есть вещи, которые провинции сделают лучше, чем центральное правительство.

Эти идеи легли в основу послания, с которым президент обратился к конгрессу в октябре 1826 г., представив законопроект о внутреннем управлении провинциями, где постарался согласовать претензии провинций с общими интересами страны. Это касалось их внутреннего управления: вопросов образования, общественных работ и всего того, что «могло привести их к процветанию и прогрессу». Все это оставалось в ведении провинций. За провинциями сохранялось право распределения доходов и расходов, ведения налогов, их сбора и контроля за их расходованием. Поскольку все доходы не покрывали их расходы, предусматривалась помощь из государственной казны с тем, что она будет покрыта провинциями, когда у них будет больше средств⁷⁸.

Предложения Ривадавии нашли поддержку в конгрессе. Идя навстречу провинциям, депутаты изменили статью о выборах губернаторов. Вместо «президент назначает губернаторов с согласия сената» была принята редакция: «президент назначает губернаторов из числа трех кандидатов, предложенных административными советами провинций». Сами советы избирались непосредственно населением провинций. Губернаторы назначались на определенный срок и не могли быть смещены и заменены президентом.

Это был отход от чисто унитарной системы к смешанной. Ривадавия проявил гибкость, изменив организацию власти в провинциях с унитарной на федеральную, оставив унитарную в управлении страной.

Истинное содержание конституции 1826 г. раскрывается при ее сравнении с конституцией 1853 г. Обе конституции учреждали сильную исполнительную власть в лице президента. В то же время конституция Ривадавии не налагала на провинции больших ограничений, чем конституция 1853 г. и не давала центральному правительству больше власти, чем та. Объем гражданских и политических прав был одинаковым в обеих конституциях. Отличной была процедура избрания губернаторов: в конституции 1853 г. они избирались провинциальными легислатурами.

Административные советы провинций были по существу теми же

⁷⁸ Lamas A. Rivadavia. Su obra política y cultural. – Buenos Aires, 1941. – P. 118-119.

законодательными собраниями. Их члены избирались прямым голосованием на тех же условиях и в тех же формах, что и национальные депутаты (Ст. 142). Они наделялись правами формировать местную полицию, организовывать начальное образование и иметь свой бюджет (Ст. 143). Административные советы имели право подачи петиций в Национальный конгресс и президенту (Ст. 154). Конституция 1853 г. не давала провинциям больше прав, чем конституция 1826 г. Согласно последней, губернаторы провинций являлись не более чем простыми исполнителями законов, декретов президента и решений административных советов. Они назначали провинциальных служащих, но в соответствии с правилами, установленными административными советами. Для нормального бесперебойного функционирования административных советов президент обязан был издать регламент, который устанавливал нормы, правила и формы их деятельности, их внутренний распорядок (Ст. 158)⁷⁹.

Основной закон 1826 г., как и учредительные акты 1819 г. и 1853 г., носил последовательно антифеодальный буржуазный характер. Они ликвидировали личные привилегии, дворянские титулы, преимущества по рождению, провозглашали всеобщее равенство перед законом, неприкосновенность личности, невозбранное изложение мыслей, свободный выбор занятий, священность и неприкосновенность права собственности⁸⁰.

Конгресс представил конституцию на одобрение провинций. Большинство провинций отвергло ее. Оппозиция требовала отменить законы о столице; о национальном банке; о назначении президента конгрессом; разрешить провинциальным властям отзываться депутатов из Национального конгресса⁸¹.

Из внутренних провинций Основной закон поддержал лишь губернатор Сальты Альварес де Ареналес, но был разбит губернатором Ла-Риохи Факундо Кирогой и укрылся в Боливии. Весь аргентинский север оказался в руках Кирогой, который вел борьбу с унитариями под лозунгом: «Религия или смерть».

Не лучше обстояли дела и в Буэнос-Айресе. С самого начала деятельности правительства Ривадавии торгово-скотоводческая группировка находилась в оппозиции к нему. Еще в 1824 г., касаясь созыва

⁷⁹ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 2104. – P. 163-176.

⁸⁰ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 1300. – P. 494-508; Т. III. – N 3052. – P. 65-73.

⁸¹ Lamas A. Rivadavia. Su obra política y cultural. – P. 136.

Национального конгресса, Х.Х. Анчорена писал Росасу: [...] Мне кажется, кузен, что мы будем иметь пару очень плохих лет [...]»⁸². В конгрессе оппозиция во главе с Доррего и Морено выступала против всех начинаний Ривадавии. Особое неприятие оппозиции вызвала национализация Буэнос-Айреса и разделение провинции. И. Анчорена представил в конгресс петицию с протестом против разделения провинции, утверждая, что конгресс не имеет полномочий принимать этот закон, который противопоставляет интересы одной части провинции другой и, угрожая правительству, добавил, что это может привести нас к гражданской войне»⁸³.

Обстановка в стране благоприятствовала их планам. Начавшаяся в конце 1825 г. Аргентино-бразильская война из-за вмешательства Англии приняла затяжной характер. Объединенный англо-бразильский флот блокировал аргентинские порты, что привело к расстройству экономики, истощению финансов, ухудшению условий жизни и как следствие – к всеобщему недовольству населения. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стало подписание мирного договора с Бразилией в мае 1827 г., по которому Аргентина признавала Восточный берег составной частью Бразильской империи. Правительство отвергло его, и война продолжилась, но позиции Ривадавии были окончательно подорваны. Лишившись массовой поддержки, он 27 июня 1827 г. в послании конгрессу заявил о своей отставке: [...] трудности нового порядка, которые не дано было предвидеть, убедили меня, что дальнейшее исполнение мною своих обязанностей не принесет никакой пользы. Любая жертва с моей стороны будет напрасной. В этих условиях я должен отказаться от власти»⁸⁴. Конгресс принял отставку Ривадавии.

Началась ликвидация всех реформ Ривадавии. Прежде всего была восстановлена провинция Буэнос-Айрес, губернатором которой стал Доррего, а главнокомандующим вооруженными силами – Росас. Доррего отозвал из Национального конгресса депутатов Буэнос-Айреса, после чего конгресс объявил о своем роспуске. Таким образом, Аргентина вновь оказалась без центральной власти. Последовавшая затем гражданская война привела к власти Росаса. С приходом Росаса открылась новая страница аргентинской истории.

⁸² Ibarguren C. Juan Manuel de Rosas. Buenos Aires, 1955. – 107.

⁸³ Asambleas Constituyentes Argentinas. – Т. II. – П. 676 ; Т. III. – П. 336-356.

⁸⁴ Registro oficial de la Republica Argentina. – Т. II. – N 2173. – П. 195.

В исторической перспективе программа реформ Ривадавии предстает как попытка направить развитие страны по пути самостоятельного капиталистического развития. По полноте предложенных преобразований, их системности это была первая программа подобного рода в Латинской Америке.

Библиография

- Комаров К.В. Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М., Наука, 1988. Komarov K.V. Agrariy vopros i voyna za nezavisimost Argentiny. M.: Nauka, 1988. [Agrarian problem and war for independence of Argentina].
- Asambleas Constituyentes Argentinas. T. I-VI. Buenos Aires, 1937–1939.
- Bagú S. El plan económico del grupo rivadaviano 1811–1827. Con una sesión documental. Rosario, 1966.
- Ferns H.S. Britain and Argentina in the nineteenth century. Oxford, 1960.
- Ibarguren C. Juan Manuel de Rosas. Buenos Aires, 1955.
- Lamas A. Rivadavia. Su obra política y cultural. Buenos Aires, 1941.
- Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires. T. I-II. La Plata, 1976.
- Nicolau J.C. La reforma económico-financiera en la provincia de Buenos Aires (1821-1825). Buenos Aires, 1988.
- Paso L. Rivadavia y la línea de Mayo. Buenos Aires, 1960.
- Registro oficial de la Republica Argentina. T. I–III. Buenos Aires, 1879-1880.